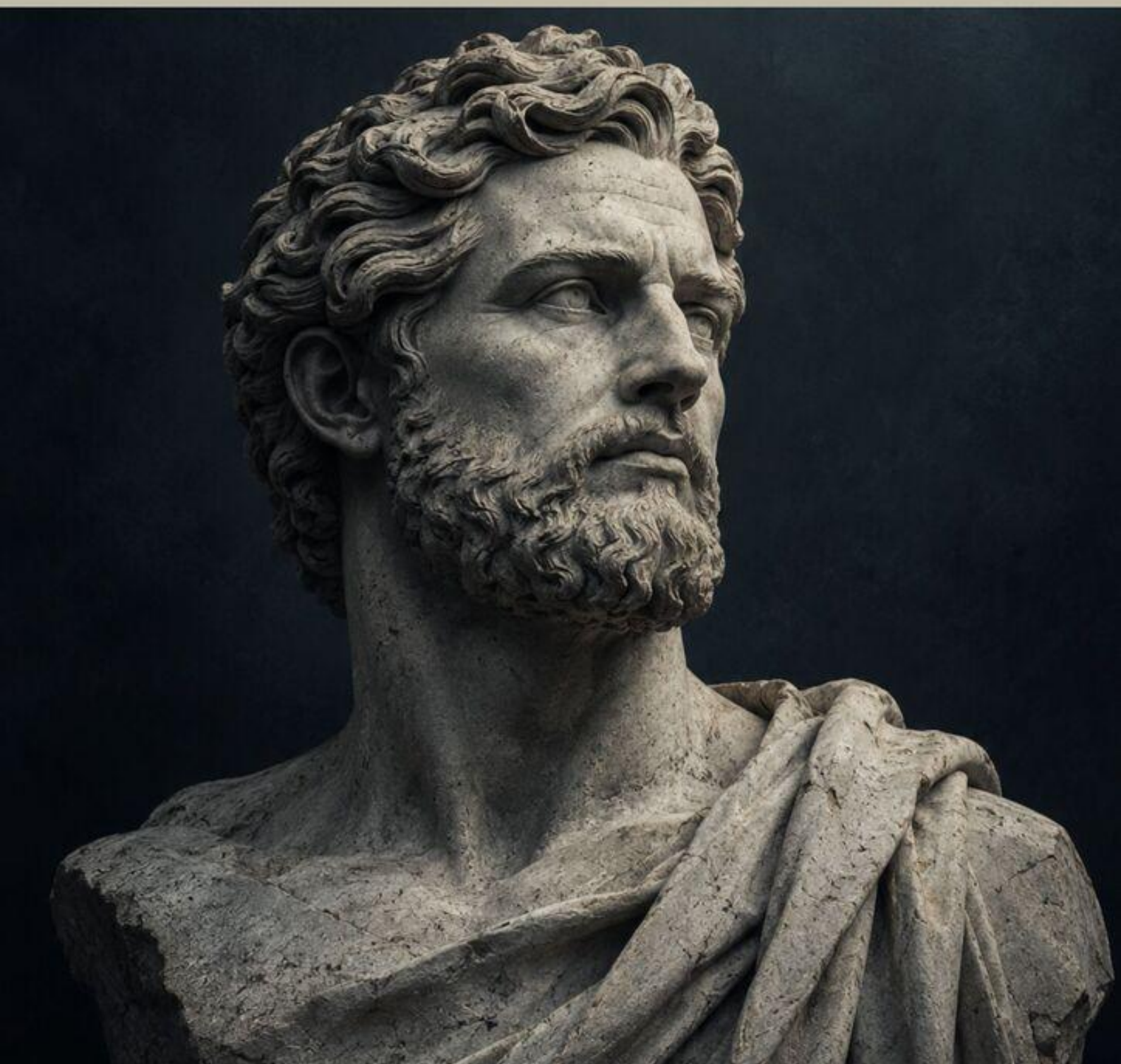
12+

Альбина Адякина

Стоическое мышление для неспокойных времён



Альбина Адякина

Стоическое мышление для неспокойных времён

«Издательские решения»

Адякина А.

Стоическое мышление для неспокойных времён / А. Адякина — «Издательские решения»,

Мир меняется быстрее, чем мы успеваем к нему привыкнуть. Планы рушатся, люди разочаровывают, а будущее не даёт никаких гарантий. Как при этом не потерять себя?Две тысячи лет назад стоики искали ответ на тот же вопрос. Их философия помогает иначе взглянуть на неудачи, несправедливость, страх и собственные желания.Эта книга — о мужестве жить без гарантий, принимать неизбежное и поступать достойно, даже когда обстоятельства складываются против нас.

© Адякина А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие. Мир, в котором нельзя предусмотреть всё 6
Часть I. Мир не обязан быть удобным 8
Глава 1. Мир не подписывал с нами договор 8
Глава 2. Люди, которые жили без гарантий 10
Глава 3. Что действительно в нашей власти 12
Глава 4. Когда жизнь говорит «нет» 14
Глава 5. Принять — не значит согласиться 16
Часть II. Искусство не терять себя 18
Глава 6. Между событием и нашим суждением 18
Глава 7. Гнев, который кажется справедливым 21
Глава 8. Мужество не требует бесстрашия 24
Глава 9. Чужое мнение не является приговором 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Стоическое мышление для неспокойных времён

Альбина Адякина

© Альбина Адякина, 2026

ISBN 978-5-0071-5357-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие. Мир, в котором нельзя предусмотреть всё

Есть одна человеческая привычка, от которой трудно отказаться, даже накопив немалый жизненный опыт. Мы продолжаем надеяться, что однажды обстоятельства наконец сложатся так удачно, что можно будет перестать беспокоиться о завтрашнем дне. Все важные вопросы решатся, близкие будут здоровы, работа станет предсказуемой, а неприятности, если уж им непременно требуется появляться, начнут хотя бы соблюдать какую-нибудь разумную очерёдность.

Желательно, конечно, предварительно записавшись.

С годами мы становимся осторожнее в своих ожиданиях, учимся предусматривать последствия, приобретаем полезную привычку проверять документы перед подписанием и брать с собой зонт, даже когда прогноз обещает солнце. Но сколько бы предусмотрительности ни накопилось, действительность неизменно сохраняет за собой право на неожиданности.

И дело не только в больших потрясениях, о которых потом пишут в учебниках истории. Порой достаточно одного телефонного разговора, решения другого человека или новости, услышанной за завтраком, чтобы привычный порядок вещей внезапно утратил свою надёжность.

Самое удивительное, что нас нередко мучает не только само происшествие, но и его несоответствие нашим представлениям о том, как всё должно было случиться. Мы мысленно возвращаемся к разговору, который следовало провести иначе, возмущаемся несправедливостью чужого поступка, пытаемся понять, почему добросовестные усилия не принесли заслуженного результата. И чем убедительнее кажутся наши доводы, тем труднее бывает признать очевидное: разумность ожидания ещё не обязывает мир его исполнить.

Люди размышляли над этим задолго до появления современных психологических теорий, социальных сетей и круглосуточных новостных каналов.

Более двух тысяч лет назад в Афинах возникла философская школа, последователей которой стали называть стоиками. Они пытались разобраться в вопросах, удивительно близких нашим собственным. Что остаётся человеку, если он лишается положения, богатства или привычной жизни? Можно ли сохранить достоинство среди несправедливости? Как поступать разумно, если исход собственных усилий неизвестен? И что вообще следует считать хорошей жизнью, когда многое в ней зависит от обстоятельств?

За этими размышлениями стояли люди совершенно разных судеб. Среди известных нам представителей стоической традиции были бывший раб Эпиктет, состоятельный государственный деятель Сенека и римский император Марк Аврелий. Их жизненный опыт различался настолько, что трудно представить всех троих за одним столом, без разногласий обсуждающими человеческое благополучие.

Они и не оставили нам единого сборника бесспорных истин. В сохранившихся текстах встречаются суровые наставления, тонкие наблюдения, глубокие нравственные рассуждения и положения, с которыми современному читателю бывает трудно согласиться.

Тем интереснее попытаться понять, почему эта древняя философия продолжает привлекать людей.

Стоицизм нередко представляют искусством оставаться невозмутимым при любых обстоятельствах. Будто достаточно усвоить несколько правил, научиться правильно относиться к неприятностям — и жизнь перестанет выводить нас из равновесия.

Мне бы не хотелось давать читателю подобное обещание.

Человек, который любит, неизбежно становится уязвимым перед возможностью потери. Тот, кто берётся за значимое дело, рискует потерпеть неудачу. А всякий, кому небезразлична справедливость, рано или поздно столкнётся с обстоятельствами, вызывающими возмущение. Требовать от себя полной бесстрастности во всех этих ситуациях означало бы предъявлять человеческой природе довольно странные требования.

Стоическая философия интересна мне прежде всего другим. Она предлагает всерьёз задуматься о том, что делает человека достойным, какие решения заслуживают уважения и почему внешнее благополучие, при всей его несомненной ценности, не может служить единственной мерой прожитой жизни.

В этой книге мы будем рассматривать стоицизм без поклонения древним авторитетам. Иногда соглашаться с античными мыслителями, иногда спорить, а порой обнаруживать, что вопрос, поставленный две тысячи лет назад, оказывается сложнее любого готового ответа.

Нам предстоит поговорить о человеческих ожиданиях, страхе, гневе, мужестве и справедливости. О богатстве и успехе, которые могут облегчать жизнь, но не всегда делают её лучше. О близких людях, которых невозможно уберечь от всех несчастий. О решениях, последствия которых приходится принимать, даже если они не приносят ни признания, ни душевного покоя.

Постепенно мы подойдём к одному из наиболее трудных вопросов: как жить в соответствии со своими убеждениями, когда обстоятельства не помогают, окружающие не одобряют, а собственная уверенность далеко не безгранична?

Я не предлагаю превращать стоицизм в обязательное руководство на каждый день. Философия, которой пользуются исключительно для того, чтобы никогда не ошибаться и всегда сохранять правильное выражение лица, довольно быстро становится ещё одной разновидностью внутренней повинности.

Гораздо интереснее позволить древним мыслителям стать собеседниками. Не во всём соглашаясь с ними, можно научиться замечать собственные привычные убеждения, задавать более точные вопросы и рассматривать знакомые жизненные трудности под неожиданным углом.

Возможно, после прочтения этой книги вы не станете спокойнее во всех обстоятельствах. Некоторые события по-прежнему будут огорчать, чужие поступки — возмущать, а неопределённое будущее временами потребует немалого мужества.

Но у вас появится возможность иначе взглянуть на саму идею хорошей жизни.

Ведь мы привыкли судить о ней по тому, насколько удачно складываются обстоятельства. По достигнутым целям, исполненным желаниям, полученному признанию. И значительно реже задумываемся о том, каким человеком становимся, пока всё это происходит.

Между тем жизнь не начинается после окончательного решения всех проблем. Она идёт сейчас, среди незавершённых дел, неожиданных перемен, человеческих несовершенств и надежд, которым ещё неизвестно, суждено ли осуществиться.

Наверное, самое трудное — перестать считать эту незавершённость временным недостатком собственного существования.

Именно отсюда я предлагаю начать наш разговор.

Часть I. Мир не обязан быть удобным

Глава 1. Мир не подписывал с нами договор

Есть в человеческой жизни одна странность, которую мы редко замечаем за собой. Мы прекрасно знаем, что мир непредсказуем, люди несовершенны, а обстоятельства имеют неприятную привычку меняться без предупреждения. И всё-таки каждый раз, когда это происходит, испытываем почти личную обиду.

Особенно хорошо это заметно по утрам.

Вы просыпаетесь с вполне разумным намерением провести день спокойно и плодотворно. Ничего выдающегося не требуется: добраться до работы, закончить несколько дел, поговорить с нужными людьми, вечером вернуться домой и заняться тем, на что обычно не хватает времени. План настолько скромный, что кажется, будто сама жизнь должна отнестись к нему с пониманием.

Однако уже к десяти утра выясняется, что кто-то не выполнил обещанное, важный разговор перенесли, а вопрос, который вчера считался решённым, сегодня почему-то снова требует обсуждения. В довершение всего человек, от которого зависело одно небольшое, но существенное дело, перестал отвечать на сообщения.

И вот вы сидите перед компьютером, смотрите на экран и думаете с искренним возмущением: «Ну почему всё опять так?»

Вопрос интересен тем, что ответа на него обычно не требуется. Мы ведь не собираемся выяснять объективные причины происходящего. Нас гораздо сильнее занимает другое: почему действительность не пожелала придерживаться нашего расписания?

Смешно, конечно, если посмотреть со стороны. Будто где-то существует невидимая канцелярия, обязанная заранее согласовывать с нами все неприятности. Причём согласовывать желательно письменно, не позднее чем за три рабочих дня.

Но в действительности за этой почти комической претензией скрывается нечто серьёзное.

Мы привыкаем жить с негласным убеждением, что разумность наших ожиданий должна каким-то образом обеспечивать их исполнение. Если мы добросовестно работаем, усилия непременно заметят. Если относимся к людям по-хорошему, они ответят взаимностью. Если достаточно тщательно готовимся к будущему, оно не преподнесёт неприятных сюрпризов.

Ничего особенно странного в таких надеждах нет. Более того, без них было бы трудно строить отношения, заниматься делом, принимать решения и вообще выходить из дома с убеждением, что день имеет смысл. Проблема начинается там, где надежда незаметно превращается в требование.

Мы уже не просто рассчитываем на определённый исход. Мы считаем, что имеем на него право в силу приложенных усилий, порядочности собственных намерений или элементарной житейской логики. А когда ожидание не оправдывается, к самой неприятности прибавляется чувство, будто произошло нарушение какого-то фундаментального соглашения.

Древние стоики всерьёз размышляли над этим человеческим затруднением. Их мир едва ли показался бы нам более спокойным. Политическая жизнь могла круто изменить судьбу человека, болезни лечили средствами, которые сегодня вызвали бы у врача желание немедленно вмешаться, а многое из того, что мы считаем предметом личного выбора, определялось происхождением и положением в обществе.

У этих мыслителей не было оснований считать жизнь безопасным предприятием. Однако они искали возможность прожить её достойно, не ставя собственное благополучие в полную зависимость от удачного стечения обстоятельств.

Здесь стоит сделать уточнение. Стоическая философия вовсе не требовала равнодушно наблюдать за чужими и собственными бедами. Стоики придавали огромное значение разумному действию, справедливости, человеческим обязанностям и нравственному выбору. Их интересовал более трудный вопрос: на чём основывать хорошую жизнь, если достаток, здоровье, общественное положение и мнение окружающих не находятся целиком в нашей власти?

Предположим, вы готовились к важной встрече. Тщательно продумали предложения, предусмотрели возражения, потратили несколько вечеров на расчёты. Но собеседник отнёсся к вашим словам без особого интереса и отказался от сотрудничества. Разочарование вполне объяснимо. Полезно разобраться, где аргументы оказались слабыми и что можно улучшить. Однако есть различие между оценкой собственных действий и требованием, чтобы другой человек непременно принял нужное нам решение.

Как бы тщательно мы ни подбирали слова, у собеседника остаются свои обстоятельства, интересы и представления. Его согласие невозможно заслужить одной лишь старательностью, словно отметку за аккуратно выполненное школьное задание.

Именно здесь начинается разговор о свободе, хотя поначалу это кажется неожиданным. Мы привыкли связывать её с возможностью получить желаемое и устранить препятствия. Стоики предлагали исследовать вопрос с другой стороны: что остаётся в распоряжении человека, когда желаемого результата добиться не удалось? Может ли он сохранить способность рассуждать, принимать решения и не отказываться от своих нравственных ориентиров?

Разумеется, согласиться с подобными словами за чашкой чая легче, чем вспомнить о них после потери работы, несправедливого обвинения или разрушения важного плана. Настоящая проверка философии начинается как раз там, где её положения перестают казаться удобными.

По этой причине стоицизм едва ли стоит воспринимать как собрание правильных мыслей, которые достаточно выучить. Мысль о том, что мир никому не обязан подчиняться, сама по себе ещё ничего не меняет. Особенно если повторять её, возмущённо ожидая ответа от человека, который третий час не берёт трубку.

Мы можем готовиться, договариваться, беречь близких, стремиться к успеху и отстаивать справедливость. Отказываться от всего этого ради невозмутимости было бы странной победой. Но результаты наших усилий никогда не принадлежат нам на тех же правах, что сами усилия. Между сделанным и полученным всегда остаётся пространство, где действуют другие люди, случайности и ограничения, о которых мы могли даже не подозревать.

Если это признать, возникает вопрос, от которого уже не отделаться лёгким советом: ради чего стараться поступать правильно, когда правильный поступок не обещает награды? Ответ стоиков может удивить. Они предлагали судить о прожитой жизни не только по тому, что человеку удалось получить.

Глава 2. Люди, которые жили без гарантий

В Афинах можно было получить философское образование, даже не переступая порога школы. Достаточно было оказаться в подходящем месте и задержаться послушать человека, вокруг которого собрались спорящие горожане. Впрочем, такая доступность вовсе не означала простоты: разговор, начавшийся с вопроса о справедливости, запросто мог закончиться сомнением в том, что слушатели вообще понимают, ради чего живут.

Около 300 года до нашей эры на афинской агоре стал преподавать Зенон из Кития, города на Кипре. Его слушатели собирались у Расписного портика — Стои Пойкиле, украшенной живописью колоннады. По названию этого места философское направление и получило имя, под которым существует до сих пор. Никакого торжественного объявления о рождении новой эпохи, насколько нам известно, не было. Люди приходили разговаривать о том, что считали важным; история уже потом придала этим беседам торжественный вид.

Мы знаем о Зеноне меньше, чем хотелось бы. Его сочинения не дошли до нас целиком, как и труды двух следующих руководителей школы — Клеанфа и Хрисиппа. Поздние авторы сохранили отдельные высказывания, сведения и пересказы, которые исследователям приходится сопоставлять между собой. Поэтому, когда кто-нибудь с уверенностью сообщает, что основатель стоицизма однажды подумал или почувствовал нечто вполне определённое, стоит поинтересоваться, каким образом это удалось установить спустя двадцать три столетия.

Зенон не изобрёл философию с нуля. Он изучал предшественников, в том числе сократическую традицию, и учился у киника Кратета. Но вокруг него постепенно сложилась школа со своим требовательным представлением о человеческой жизни. Её последователей занимало не только то, как пережить неприятности. Они пытались понять, что такое разумный мир, как человек узнаёт истину и почему одни поступки достойны, а другие нет. Логика, учение о природе и этика составляли для них части одного большого разговора.

Со временем этот разговор переместился из Афин в Рим, а среди тех, кто к нему присоединился, оказались люди с поразительно разными судьбами. Один был состоятельным государственным деятелем, другой прошёл через рабство, третий распоряжался огромной империей. Удобно было бы представить их тремя образцами непоколебимого характера и на этом успокоиться. Но в таком изображении едва ли осталось бы место для подлинной человеческой сложности.

Сенека принадлежал к римской политической элите и был советником императора Нерона. Он рассуждал о независимости от богатства, оставаясь богатым человеком, писал о нравственной выдержке, находясь рядом с властью, чьи решения далеко не всегда соответствовали его идеалам. Эти обстоятельства не позволяют ни автоматически отвергнуть его философию, ни принять его собственную жизнь за безупречное доказательство её истинности. Гораздо интереснее увидеть человека, который формулировал высокие требования к себе и жил среди соблазнов, компромиссов и опасностей придворной политики.

В письмах Сенека нередко обращается не с высоты достигнутой мудрости, а как человек, которому самому ещё есть чему учиться. Это делает его особенно любопытным собеседником. От философа часто ждут готовой правильной жизни, словно знания должны немедленно избавить его от слабостей. Но знать, что считается разумным поступком, и совершить его, когда на кону собственное положение, — разные вещи. Римская история предоставляет для такого различия достаточно материала.

Эпиктет оказался в совершенно иных обстоятельствах. Значительную часть ранней жизни он провёл в рабстве, позднее получил свободу, а затем преподавал философию. После изгнания философов из Италии при Домициане он обосновался в Никополе, где учил слушателей внимательно относиться к своим суждениям и поступкам. Сам Эпиктет не оставил нам

книг, написанных его рукой: известные «Беседы» записал ученик Арриан, а «Энхиридион» стал кратким изложением его наставлений.

Когда читаешь Эпиктета, нельзя забывать об этой разнице между властью над собой и властью над жизненными условиями. Человек, переживший несвободу, особенно настойчиво спрашивал, что у другого человека невозможно отнять. Его ответ не состоял в том, что внешние лишения пустяковы или никому не причиняют боли. Он предлагал перенести центр нравственной оценки туда, где решается, как мы судим и поступаем. С этим ответом можно спорить, особенно помня о реальном насилии и неравенстве. Однако трудно не услышать серьёзность вопроса, из которого он вырос.

Марк Аврелий находился на противоположном конце общественной лестницы. Став римским императором, он получил полномочия, о которых Эпиктет не мог бы и помыслить. Но императорская власть не отменяла ни болезней, ни смертности, ни необходимости иметь дело с людьми, способными ошибаться, лгать и предавать. Его личные записи, известные как «Наедине с собой», не выглядят учебником для публики. Скорее это настойчивые напоминания самому себе о том, как следовало бы мыслить и действовать.

Представить себе императора, который вынужден снова и снова объяснять самому себе основы собственного поведения, неожиданно отрезвляет. Казалось бы, уж человек, наделённый такой властью, мог бы считать проблему окончательно решённой: отдал распоряжение — и готово. Но привычки, раздражение, тщеславие и страх не подчиняются приказам даже тогда, когда за приказом стоит армия. Власть даёт возможность менять многое вокруг, не предоставляя вместе с ней свидетельство о нравственной зрелости.

Эти трое не были современниками в привычном смысле слова и не составляли дружеского кружка. Сенека умер раньше, чем Марк Аврелий родился; Эпиктет не обучал будущего императора лично. Их соединяют традиция, тексты и вопросы, передававшиеся из поколения в поколение. При этом даже внутри одной философской школы менялись акценты, а учение никогда не существовало в виде набора одинаковых ответов для всех случаев.

Есть соблазн превратить эту историю в красивую формулу: раб, придворный и император обнаружили один секрет счастья. Формула запоминается, но многое портит. Она стирает различия между их возможностями, жизненными рисками и тем, какую цену каждому приходилось платить за убеждения. Да и само слово «секрет» плохо подходит философии, которой люди учились годами, спорили с наставниками и возвращались к одним и тем же трудным вопросам.

Они жили без тех гарантий, которые сегодня кажутся нам естественной частью благополучного существования. Но и наша эпоха, при всех её технических удобствах, не превратилась в безопасную комнату с надёжным замком. Изменились способы передавать новости, лечить болезни, хранить деньги и заключать договоры. Не исчезла возможность, что завтрашний день потребует от человека чего-то, к чему он не готовился.

Стоическая традиция пережила своих основателей не потому, что сумела предсказать будущее. Она оставила после себя более беспокойный и более полезный вопрос: по каким основаниям оценивать собственную жизнь, если обстоятельства не обязаны нам помогать? В попытке ответить на него и состоит значение этих древних разговоров. Только прежде чем соглашаться с ответом, придётся разобраться в одном неочевидном слове — «власть». Что именно человек способен выбирать сам, а что лишь надеется удержать?

Глава 3. Что действительно в нашей власти

Однажды вы отправляете важное письмо. Не из тех, на которые можно махнуть рукой через пятнадцать минут, а такое, где каждое предложение перечитано несколько раз, убраны лишние оправдания и даже обращение выбрано с осторожностью. После отправки наступает особое время: делать уже нечего, а перестать участвовать в происходящем почему-то не удаётся.

Вы проверяете почту утром, затем после обеда. К вечеру начинаете подозревать, что адресат либо не заметил письма, либо заметил слишком хорошо. Через день вспоминаете одну фразу: пожалуй, она могла прозвучать резковато. Через два — уже почти готовы написать следующее письмо, объясняющее предыдущее. Удивительно, сколько работы способен проделать человек над событием, которое в его отсутствие развивается совершенно самостоятельно.

Впрочем, само ожидание ответа едва ли заслуживает философского разбирательства. Важнее та незаметная путаница, из-за которой чужая реакция начинает восприниматься как последняя, недостающая часть нашего собственного действия. Пока человек не ответил, будто и письмо ещё не закончено.

Эпиктет начинал своё небольшое руководство, известное под названием «Энхиридион», с сурового различия. Одни вещи, утверждал он, зависят от нас, другие — нет. К первым он относил наши суждения, стремления, побуждения, словом, то, что связано с собственным выбором. Ко вторым — тело, имущество, репутацию, общественное положение и всё то, над чем у человека нет такой власти.

На слух это кажется почти очевидным. Разве мы не знаем, что не можем заставить другого человека ответить на письмо? Знаем, конечно. Но одно дело — произнести это за чашкой чая и совсем другое — перестать мысленно распоряжаться его молчанием.

Стоит уточнить, что Эпиктет говорил не просто об умении влиять на обстоятельства. Если понимать его разделение как обычную сортировку задач на «могу изменить» и «не могу изменить», оно быстро потеряет смысл. На погоду мы почти не влияем, на собственное здоровье — в известной мере, на решение другого человека — иногда весьма существенно. Из этого получилась бы удобная, но бесконечно спорная таблица степеней воздействия.

Эпиктета интересовало нечто более строгое: что можно назвать нашим собственным нравственным делом, за которое мы отвечаем как действующие и рассуждающие люди? Мы способны выбирать, чему дать согласие, к чему стремиться, ради чего предпринимать усилия. При этом даже лучшие наши намерения осуществляются в мире, где есть другие люди, случайности, ограничения тела и последствия прежних событий.

С телом особенно легко поспорить. Как же оно может не зависеть от нас, если мы решаем, лечиться ли, спать ли ночью и выходить ли на прогулку? Но древний философ вовсе не отрицал, что мы можем заботиться о здоровье. Он обращал внимание на предел этой заботы. Человек способен добросовестно следовать лечению и всё-таки не выздороветь к назначенному сроку. Можно вести осторожную жизнь и заболеть. И наоборот, возможность пренебречь собой не превращает здоровье в предмет полного личного распоряжения.

В таком различении обнаруживается менее утешительная, но более точная мера ответственности. Исправно отправленное письмо, добросовестно выполненная работа или тщательно подготовленный разговор ещё не составляют договора с будущим. Эпиктет не предлагал считать все последствия одинаково желательными; он искал основание для оценки того, что человек действительно внёс в происходящее. Если нам отказали, стоит рассмотреть собственные доводы и поступки, но не следует автоматически превращать чужое решение в доказательство нашей несостоятельности.

Возьмём менее драматичный пример. Человек готовится к разговору с руководителем о повышении. Собирает результаты своей работы, продумывает аргументы, старается выбрать подходящий момент. Всё это — область его разумного действия. Руководитель может признать заслуги, но сообщить, что денег в бюджете нет; может ошибиться в оценке; может руководствоваться соображениями, о которых сотрудник вообще не знает. В каждом случае останется возможность решать, что делать дальше: искать другую должность, уточнять условия, настаивать на пересмотре или признать, что пора уходить.

Неподконтрольный исход не превращает прежние усилия в бессмыслицу. Напротив, если бы мы ценили действие только по немедленному результату, оказалось бы, что честный труд, забота о другом и даже справедливое решение имеют достоинство лишь при удачном стечении обстоятельств. Стоики предлагали более требовательную меру. Имело значение, насколько разумно и достойно человек действовал, а не только то, получил ли он награду.

Впрочем, рассуждение о собственной воле имеет границы, которые нельзя обходить ради красивой философской формулы. Угрозы, принуждение, болезнь и неравенство возможностей способны серьёзно сужать пространство выбора. Когда мы спрашиваем, за что человек отвечает, необходимо сначала увидеть, что ему действительно было доступно, а чего от него требуют задним числом. Чужой произвол нельзя оправдать тем, что пострадавшему будто бы следовало лучше распорядиться своими суждениями.

Кроме того, далеко не каждый человек в тяжёлом состоянии способен немедленно привести свои суждения в порядок. Усталость, болезнь, сильное потрясение меняют доступные нам силы. Античная философия предлагала идеал внутренней свободы, но использовать этот идеал как линейку для обвинения живого человека было бы жестоко. Даже осознанный выбор складывается в условиях, которые мы не назначаем себе по желанию.

Различие, предложенное Эпиктетом, помогает точнее рассмотреть сам поступок. Когда вы отправляете письмо, вы отвечаете за правдивость сказанного, за уважение к адресату, за необходимую смелость не промолчать. Ответ может прийти поздно, оказаться неприятным или вовсе не последовать. Тогда появится новое дело — решить, как поступить в изменившихся обстоятельствах. Но бессонное дежурство у почтового ящика, мысленное переписывание уже отправленного и попытки угадать каждую чужую мысль ничего не добавляют к сделанному.

Мысль об этом не обязательно приносит мгновенное облегчение. Иногда она, наоборот, оставляет нас лицом к лицу с тем, что особенно не хочется признавать: мы действительно не распоряжаемся чужой волей, любовью, одобрением и благосклонностью судьбы. Зато становится труднее обманывать себя насчёт собственной ответственности. Если результат не принадлежит нам, это ещё не означает, что можно пренебречь способом, которым мы к нему идём.

А что происходит, когда обстоятельства уже изменились и никакое усердие не способно вернуть вчерашний порядок? Именно там, где человек перестаёт торговаться с фактом случившегося, перед ним возникает задача куда сложнее, чем дождаться нужного ответа.

Глава 4. Когда жизнь говорит «нет»

У старого дома на окраине города была одна особенность: каждую весну его жильцы высаживали цветы под окнами, хотя никто не мог толком объяснить, кому принадлежит узкая полоска земли между стеной и тротуаром. Кому-то доставались бархатцы, кому-то петунии; одна пожилая женщина годами упорно выращивала розы, не желая считаться с их нелюбовью к этому месту. Дом успел пережить несколько ремонтов, перемены жильцов и три поколения детей, научившихся кататься на велосипеде во дворе.

Когда пришло извещение о сносе, соседи поначалу отнеслись к нему как к ошибке. Одни звонили в управу, другие собирали документы, третьи уверяли, что «такого быть не может». Потом появился окончательный график переселения. У людей оставалось время, чтобы выбрать, какие вещи увезти, но уже не оставалось возможности сохранить прежнюю лестницу, привычный вид из окна и цветник, в котором всякий май непостижимым образом выживали розы.

Это вымышленная, но вполне узнаваемая история. Иногда жизнь предъявляет решение, которое нам не нравится и которого мы не выбирали. Иногда оно действительно несправедливо; возможно, за него ещё стоит бороться. Однако бывает и так, что все предусмотренные способы уже исчерпаны, а перемена всё равно наступает.

В такие минуты человек нередко продолжает спорить не столько с людьми, сколько с самим фактом случившегося. Он перебирает прежние разговоры, вспоминает упущенные возможности, мысленно возвращается на месяц или год назад. Если бы предупреждение пришло раньше. Если бы удалось убедить нужного человека. Если бы кто-то проявил больше участия. Эти вопросы способны подсказать, какие ошибки не следует повторять, но прошлое от их настойчивости не меняется.

У Эпиктета есть краткое и на первый взгляд почти вызывающее наставление: не требовать, чтобы происходящее следовало нашим желаниям, а учиться желать, чтобы оно происходило так, как происходит. Это восьмой параграф «Энхиридиона». В русском пересказе фраза звучит сурово, и неудивительно, что она вызывает возражение: неужели человеку следует захотеть болезни, разрыва отношений или изгнания?

Буквальное применение такого совета ко всякому горю было бы и жестоким, и неубедительным. В стоической мысли речь идёт прежде всего о прекращении требования, чтобы уже свершившийся факт оказался другим. Не о том, чтобы радоваться беде, и уж тем более не о признании любого чужого решения справедливым. Человеку может быть больно, он может испытывать гнев, обращаться за защитой и искать выход. Но даже самые обоснованные чувства не возвращают событие в состояние, предшествовавшее ему.

Насколько трудно принять эту мысль, становится ясно в вещах более скромных, чем утрата дома. Например, взрослые дети собираются провести выходные с родителями, а за сутки до поездки сообщают, что не приедут. Причина уважительная, перенос неизбежен, разговор уже окончен. И всё же кто-то целый вечер накрывает и снова убирает со стола воображаемый праздничный обед. Человек огорчён не только отменённой встречей. Он прощается с днём, который успел подробно прожить в своих ожиданиях.

Есть особая печаль по несостоявшемуся. По разговору, который так и не начался. По работе, на которую почти взяли. По путешествию, отложенному на неопределённое время. Внешне ничего страшного может не произойти, а внутри всё равно приходится освобождать место, заранее отданное будущему. Обычный совет «не принимайте близко к сердцу» здесь мало помогает: именно сердцем мы и привязываемся к возможностям.

Стоики предлагали учиться соотносить желания с изменчивостью обстоятельств. Нам непривычна такая дисциплина, потому что желания кажутся чем-то глубоко личным, почти

неприкосновенным. Но между «мне хотелось бы» и «так обязано случиться» пролегает существенная граница. Первое позволяет действовать, строить планы и любить. Второе незаметно превращает будущее в должника, который непременно должен оправдать наши вложения.

Это различие не всегда возможно удерживать без внутреннего сопротивления. Представьте, что человек долгие годы работал над делом, которое вдруг потеряло смысл из-за изменившихся обстоятельств. Сказать ему, что теперь следует «просто принять», — значит пройти мимо целого периода его жизни. Там были усилия, надежды, отношения, иногда пожертвованные ради одной цели. Чтобы признать новый порядок вещей, ему, вероятно, придётся сначала признать цену прежнего.

У признания необратимого есть свой особенный, почти хозяйственный смысл. Пока жильцы спорят с уже назначенным переселением так, словно календарь можно уговорить идти назад, незамеченными остаются вопросы о вещах, документах и соседях, которым нужна помощь. Это не означает, что прежний дом стал менее дорогим. Просто память о нём и действия, доступные сегодня, требуют разного внимания: одно нельзя сохранить физически, другое ещё можно сделать бережно.

Стоический взгляд здесь не отменяет надежду. Скорее, он просит не выдавать надежду за описание мира. Можно надеяться на перемены к лучшему и одновременно знать, что сегодня условия иные. Можно добиваться пересмотра несправедливого решения, не притворяясь, будто решение ещё не принято. Можно очень скучать по утраченному, продолжая заботиться о том, что осталось.

У этого рассуждения есть предел, и было бы нечестно его скрывать. Некоторые решения выглядят окончательными лишь потому, что человеку не объяснили порядок обжалования или он слишком истощён, чтобы им воспользоваться. Тогда вопрос не в том, умеет ли он спокойно пережить происходящее, а в том, действительно ли закрыты все пути. Умение различать необратимое и ещё оспоримое требует фактов, а не только душевной дисциплины.

Жильцы дома, с которого началась эта глава, могли оспаривать решение о сносе, требовать достойных условий переселения, помогать пожилым соседям и бережно разбирать вещи. Всё это не противоречило бы признанию того, что прежняя жизнь двора уже меняется. Даже если дом удалось бы отстоять, сама необходимость отстаивать его оставила бы след. Некоторые перемены нельзя отменить полностью, потому что они касаются не только стен и документов, но и нашего прежнего ощущения надёжности.

Обычно мы мечтаем о времени, когда наконец установится ясность: завершится спор, придёт ответ, решится вопрос. И тогда, кажется, можно будет снова жить. Но жизнь не становится на паузу, пока мы добиваемся определённости. Она идёт именно в этой неполной ясности, с неотправленными письмами, коробками посреди комнаты и цветами, которые всё равно тянутся к свету.

Стоики называли согласованность с природой одним из признаков разумной жизни. Относительно человеческой судьбы эту мысль легко понять неверно, будто человеку полагается смиряться со всем, что его окружает. Между тем признание неизбежного ещё не отвечает на вопрос, как поступить с тем, что вполне возможно изменить. И этот вопрос труднее простого согласия с обстоятельствами: он требует ответственности.

Глава 5. Принять — не значит согласиться

На собрание жильцов пришли не все. Одни работали допоздна, другие заранее решили, что толку от разговоров не будет, третьи о предстоящем ремонте узнали лишь по объявлению возле лифта. Зато те, кто пришёл, уже через четверть часа обнаружили удивительную вещь: люди, много лет здоровавшиеся на лестнице, способны совершенно по-разному понимать слово «потерпеть».

В доме собирались надолго отключить горячую воду. Причины выглядели убедительно: старые трубы, аварийный участок, необходимость заменить оборудование. Но сроки постоянно переносили, уведомления появлялись слишком поздно, а пожилым соседям приходилось носить тяжёлые ёмкости из ближайшего пункта раздачи воды. Кто-то предложил написать коллективное обращение. В ответ немедленно прозвучало знакомое: «А что вы измените? Ремонт уже начался. Примите как есть».

Это был совет, претендовавший на мудрость. В нём действительно содержалась часть правды: повернуть время назад и отменить уже начатые работы жильцы не могли. Но оставалась и другая часть, которую произносивший предпочёл не замечать. Можно было потребовать понятного графика, добиться помощи тем, кому особенно трудно, и проверить, выполняются ли обязанности управляющей организации. Согласиться с фактом ремонта вовсе не означало согласиться с любой организацией этого ремонта.

Разговор на собрании обнаружил не философскую проблему неизбежного, о которой шла речь прежде, а гораздо более земную подмену. Ремонт действительно был нужен; вот только необходимость менять трубы ничего не говорила о том, насколько заблаговременно обязаны предупредить жильцов и как помочь тем, кто не сможет прожить недели без горячей воды. Слово «принять» не отвечает на вопросы о сроках, обязанностях и доступных решениях.

Древние стоики едва ли согласились бы с таким пониманием своих взглядов. Их учение о нравственном выборе предполагало не только способность переносить неблагоприятные обстоятельства, но и требовательное отношение к собственным поступкам. Справедливость занимала в стоической этике место добродетели; обязанности перед другими людьми не считались досадным дополнением к личной невозмутимости. В «Энхиридионе» Эпиктет рассуждает о том, что надлежащее поведение человека связано с его отношениями — семейными, соседскими, гражданскими. Сегодня некоторые его конкретные предписания могут показаться спорными, и принимать их без исторической оговорки было бы неправильно. Но сам вопрос, который он задаёт, важен: что требует от меня моё положение среди других людей?

Представим другую историю. Руководитель узнаёт, что сотрудника собираются обвинить в ошибке, которой тот не совершал. Документы уже отправлены, решение, возможно, принято, а начальство явно не настроено возвращаться к разговору. Можно посоветовать человеку смириться: чужое мнение неподконтрольно, служебные механизмы несовершенны, переживания не помогут. Всё это отчасти верно — и всё же в подобном совете есть нравственная недостача. Если руководитель располагает фактами, способными исправить несправедливость, его дело не ограничивается сохранением собственного душевного равновесия.

Обстоятельства не обещают, что вмешательство завершится успехом. Придётся потратить время, встретиться с недовольством, возможно, поставить под угрозу собственные отношения с начальством. Решение о пересмотре обвинения всё равно останется за другими. Но стоит ли поэтому отказаться от попытки? Здесь стоический вопрос о границах нашего влияния приобретает гораздо более серьёзное звучание. Не имея власти над исходом, человек всё-таки отвечает за то, станет ли он участником несправедливости своим молчанием.

Конечно, в реальной жизни бывают ситуации, когда открытое сопротивление опасно. Существуют зависимости, угрозы и ограничения, которые нельзя устранить силой характера.

Требовать от человека рискованного поступка, не принимая во внимание его уязвимость, было бы жестоко. Добродетель мужества не даёт постороннему права назначать меру чужого риска. Но и обратное неверно: невозможность победить немедленно не обязывает нас признать происходящее правильным. Иногда разумным действием становится обращение за помощью, сбор документов, поиск союзников или забота о собственной безопасности.

В доме быстро выяснилось, что у обращения есть вполне конкретные адресаты и вполне конкретное содержание. Одно дело — жаловаться на сам факт ремонта, без которого трубы рано или поздно прорвёт; другое — попросить опубликованный график, контакты ответственного и помощь тем, кому трудно самостоятельно приносить воду. Даже если срок не сдвинется ни на день, качество ответа управляющей организации можно проверить. Здесь важны не только намерения жильцов, но и ясность их требований.

Эту ситуацию не стоит превращать в соревнование благородных характеров. Порядочность управляющей организации измеряется не выражениями сочувствия, а исполнением обязанностей; рассудительность жильцов — не готовностью молчать, а умением отличать необходимые работы от предотвратимых неудобств. Стоическая забота о способе действия помогает не терять человеческого достоинства в споре, но она не заменяет ни документов, ни ответственности тех, кто принимает решения.

Среди наших повседневных слов есть одно удивительно двусмысленное — «смириться». Им называют и зрелое признание необратимого, и вынужденную уступку, и тихий отказ от борьбы, на которую больше нет сил. За одинаковой фразой могут стоять совершенно разные решения. Поэтому, прежде чем соглашаться с очередным советом принять ситуацию, полезно спросить: что именно предлагается принять? Факт, который уже существует? Ограниченность моих возможностей? Или чужое право поступать как угодно, не отвечая за последствия?

Вернёмся к жильцам дома. Их обращение могло остаться без ответа. Не исключено, что воду включили бы только в день, первоначально назначенный ремонтниками. И всё-таки содержание их поступка этим не исчерпывалось. Пока одни составляли письмо, другие выясняли, кому требуется помощь с доставкой воды, а кто-то впервые узнал имя соседки, живущей этажом ниже. Никто из них не приобрёл власти над трубами и сроками ремонта. Но жители перестали вести себя так, словно неудобства каждого существуют отдельно от неудобств остальных.

Из этого вовсе не следует, что каждую житейскую неприятность надо превращать в общественное движение. Иногда разумнее сберечь силы, закрыть спор и заняться тем, что действительно важно. Различить эти случаи гораздо сложнее, чем произнести красивую формулу о принятии. Приходится выяснять факты, оценивать цену действий, учитывать интересы людей, чьи голоса звучат тише нашего собственного. В этом и проявляется практическая сторона философии: она не выносит решение за человека, а предъявляет серьёзные требования к тому, как он решает.

На следующий день после собрания на доске объявлений появился лист с телефонами тех, кто вызвался помочь пожилым соседям. Под ним кто-то приписал время ближайшего приёма представителя управляющей организации. Бумага была приклеена неровно, один угол уже отставал от стены. Обстоятельства в доме не изменились к лучшему за одну ночь. Но на этот раз возле лифта висело не только извещение о том, чего жильцам придётся лишиться.

Часть II. Искусство не терять себя

Глава 6. Между событием и нашим суждением

В письме не было ничего особенного. Всего одна строчка: «Нам нужно обсудить вашу работу. Зайдите завтра после обеда». Руководитель отправил её в конце дня, между двумя совещаниями, и почти сразу забыл. Получатель же прочитал сообщение трижды, после чего ещё раз открыл переписку за последние две недели, пытаясь припомнить, не говорил ли он чего-нибудь лишнего.

К ужину у него уже сложилась довольно подробная картина предстоящего разговора. Возможно, проектом недовольны. Наверняка кто-то пожаловался. Странно, что не позвали сегодня: видимо, хотят подготовиться. В такой логике было одно заметное достоинство — каждое следующее предположение убедительно поддерживало предыдущее. Недостаток состоял в том, что ни одно из них не вытекало непосредственно из полученного письма.

Жена, выслушав его, заметила, что начальник мог просто захотеть узнать о ходе проекта. Это прозвучало почти оскорбительно. Человек уже успел прожить в своём воображении неприятный разговор, мысленно оправдаться, обидеться и даже придумать, как с достоинством уйдёт из кабинета. Возвращаться к первоначальным девяти словам оказалось сложнее, чем ожидалось.

На следующий день выяснилось, что речь шла о новом заказчике. Конечно, в других обстоятельствах разговор мог завершиться иначе. Суть истории не в счастливой развязке и уж тем более не в уверении, будто тревожные догадки всегда ошибочны. Гораздо любопытнее другое: вечером человек страдал не только от неопределённости. Он страдал и от событий, которые ещё не произошли, но уже получили в его сознании вес свершившегося факта.

Древние стоики обратили внимание на эту тонкую работу ума. Они различали впечатление, возникающее перед человеком, и согласие, которое он даёт этому впечатлению, принимая его за верное суждение. Речь шла не о простом разделении мыслей на хорошие и плохие. Стоиков интересовало, каким образом мы приходим к убеждениям и почему иногда без достаточных оснований считаем собственное толкование действительности самой действительностью.

Эпиктет, чьи беседы записал ученик Арриан, возвращался к этому вопросу многократно. В пятом параграфе «Энхиридиона» он связывает человеческое смятение не только с происходящим, но и со взглядами на происходящее. Эта мысль часто пересказывается так, будто достаточно сменить оценку события — и неприятность перестанет существовать. Однако подобное прочтение слишком удобно, чтобы быть точным. Неверный диагноз не становится безобидным от доброжелательного отношения к нему, а грубость не превращается в уважение, если назвать её иначе.

Стоическая мысль гораздо требовательнее. Она предлагает замечать, где кончается то, что мы действительно знаем, и начинается то, что мы поспешили добавить от себя. Начальник назначил встречу — это известно. Он недоволен работой — возможно, но пока не доказано. Меня собираются уволить — ещё одно предположение, причём гораздо более далёкое от исходного сообщения. Между этими утверждениями есть различие, которое исчезает, стоит произнести их одним внутренним голосом.

Мы привыкли доверять этому голосу. Он звучит убедительно именно потому, что принадлежит нам. Если человек однажды столкнулся с предательством, он может быстрее замечать признаки обмана; если недавно пережил серьёзный провал, неопределённая оценка окружающих способна напомнить о нём. Впечатления не возникают в пустоте. На них влияют опыт,

привычки, настроение, обстоятельства. Но понятное происхождение догадки ещё не делает её истинной.

Стоики использовали для первого появления содержания в сознании понятие «впечатление», а для принятия его — понятие «согласие». Эта терминология может показаться непривычной, пока не обратить внимание на обыкновенную бытовую сцену. Вы видите знакомого на другой стороне улицы и машете ему рукой. Он проходит мимо. Первая мысль появляется почти мгновенно: «Делает вид, что не замечает». Следом приходит желание отвернуться при следующей встрече. Но между тем, что произошло на улице, и выводом о чужом отношении лежит ещё немало неизвестного. Возможно, знакомый действительно хотел вас избежать. Возможно, был погружён в собственные мысли или просто не увидел жеста.

Воздержаться от окончательного вывода означает не притворяться, будто никакого неприятного чувства не возникло. Разочарование, досада, мгновенный прилив раздражения вполне могут появиться прежде, чем человек успеет рассмотреть случившееся. Важно, что за первым движением иногда следует другое: решение считать определённое объяснение верным и действовать так, словно никаких альтернатив не осталось.

Поэтому стоическая внимательность к суждениям не похожа на весёлую игру в поиск положительной стороны. «Наверное, всё прекрасно» — такое же бездоказательное предположение, как и «наверное, всё ужасно». Можно ошибаться в обе стороны. Разумность начинается там, где человек способен выдержать незавершённость знания, не подменяя её поспешным утешением или столь же поспешным обвинением.

Иногда это особенно трудно. Когда задета репутация, под угрозой оказывается здоровье или необходимо принять решение о близких, неизвестность не просто раздражает — она может иметь реальную цену. Нельзя требовать от себя одинаковой ясности в любой ситуации. Стоическое учение предлагает нравственный идеал упражняющегося разума, но из него не следует, что человеку доступны безошибочные и мгновенные решения. Тем более не следует возлагать на пострадавшего ответственность за поступки того, кто причинил ему вред.

Есть и ещё одна причина, по которой мы так охотно верим первому объяснению. Признать недостаток сведений — значит на время отказаться от приятной определённости. Даже мрачная догадка придаёт истории законченность: виновные назначены, причины установлены, завтрашний день будто бы уже известен. Неопределённость требует большей выдержки. Она оставляет человека без готового финала, с которым можно спорить или смиряться.

Отсрочка суждения, впрочем, не должна превращаться в бесконечное промедление. Если ситуация требует действия, можно уточнить информацию, задать вопрос, проверить обстоятельства, подготовиться к нескольким исходам. В случае того самого письма стоическая практика могла бы выглядеть довольно скромно: спокойно закончить рабочий день, записать вопросы к разговору и удержаться от объявления неслучившегося увольнения уже состоявшимся. Никаких мраморных колонн для этого не требуется; достаточно не назначать собственную догадку председателем суда.

Впрочем, бывают впечатления, которые выдерживают проверку. Человек, обещавший выполнить работу, действительно не выполнил её. Друг действительно солгал. Решение действительно оказалось несправедливым. Стоический подход не требует называть очевидное сомнительным лишь ради душевного комфорта. Он требует скорее противоположного: дать фактам тот вес, которого они заслуживают, и не нагружать их произвольными добавлениями. Если доказательства есть, их нужно учитывать. Если их нет, полезно не маскировать отсутствие уверенным тоном.

Тут и обнаруживается трудность честного разговора с собой. Не той, которая превращает внутренний разговор в бесконечное обвинение, а более сложной: готов ли я пересмотреть мнение, когда появились новые сведения? Или мне уже настолько дорого собственное объяснение, что любое уточнение кажется угрозой? Мысль, однажды принятая за истину, нередко начинает

защищать себя. Человек подбирает под неё свидетельства, охотнее слышит подтверждения, а сомнения считает слабостью. Именно в такие минуты работа с суждением перестаёт быть отвлечённым философским занятием.

Стоики связывали способность осмысленно соглашаться или не соглашаться с впечатлениями с человеческой ответственностью. В их системе это был не мелкий приём для улучшения настроения, а часть представления о разумном существе, отвечающем за собственные решения. Наш взгляд на событие может в конце концов определять, что мы скажем другому человеку, кого обвиним, кому доверимся и какое действие сочтём допустимым. Ошибка в рассуждении порой остаётся личным неудобством; иногда она становится чужой бедой.

Однажды утвердившись в несправедливой догадке о знакомом, легко лишить его объяснения. Сочтя молчание коллеги проявлением пренебрежения, можно ответить холодностью, которую тот примет за враждебность. Так из нескольких непроверенных толкований постепенно вырастает вполне настоящая ссора. Удивительное превращение: событие, которого, возможно, не было вовсе, начинает влиять на реальные отношения.

Вечером перед назначенной встречей человек всё равно мог тревожиться. Стоическая философия не даёт оснований обещать ему безмятежный сон. Она предлагает более скромную и одновременно более трудную задачу: не считать всякую мысль, произнесённую испуганным умом, окончательным знанием. Это требует не холодности, а терпения к самому процессу выяснения правды.

И когда наутро начальник наконец откроет дверь кабинета, важным окажется не только то, что он скажет. Важным будет и то, с каким количеством заранее вынесенных приговоров человек войдёт внутрь.

Глава 7. Гнев, который кажется справедливым

На собрании городского совета пожилой мужчина поднялся с последнего ряда и попросил слова. Ему предоставили три минуты, хотя он ждал почти два часа. Пока он рассказывал, как после ремонта улицы вода стала заливать подвалы нескольких домов, председатель просматривал бумаги. В какой-то момент мужчина остановился и спросил, слушает ли его вообще кто-нибудь. Ответ прозвучал учтиво и вместе с тем настолько равнодушно, что по залу прошёл тяжёлый шорох. Ничего необычного, казалось бы, не произошло: заседание, регламент, чиновник, у которого сегодня таких обращений десятки. Но именно в эту минуту девушка, сидевшая рядом с выступающим, вскочила и закричала. Она выкрикнула всё, что давно хотела сказать об этом ремонте, о бесполезных письмах и о людях, которым приходится спускаться в мокрые подвалы. А потом, не дождавшись ответа, назвала председателя словом, которое уже не имело отношения ни к воде, ни к бюджету, ни к справедливости.

На следующий день в небольшом местном издании появилась фотография: девушка с искажённым лицом, поднятая рука, невозмутимый председатель за столом. Подпись была короткой — «Скандал на заседании». Истории затопленных домов там почти не осталось. Осталась история о человеке, который не сдержался. Жаль, потому что первоначальный повод для возмущения никуда не исчез. Более того, он заслуживал внимания независимо от того, насколько удачно кто-то сумел подобрать слова.

Гнев часто приходит с убедительным рекомендательным письмом. В нём написано, что мы имеем дело с настоящей несправедливостью, что молчать невозможно и что уступчивость только укрепит чужую наглость. Иногда это письмо составлено вполне добросовестно. Нас действительно могут унизить, обмануть, лишить заслуженного, обойтись жестоко с человеком, который не способен себя защитить. Поэтому совет «не сердитесь» звучит в подобных обстоятельствах не как мудрость, а как предложение перестать замечать происходящее.

Сенека, написавший большой трактат «О гневе», такой подход не принял бы — хотя и совсем по другой причине. Для него сам гнев был опасным способом отвечать на оскорбление или несправедливость. Он видел в нём стремление воздать обидчику, причём такое, которое легко начинает распоряжаться человеком вопреки разуму. Древнеримский философ, хорошо знавший политическую жизнь и придворную среду, относился к этой страсти с заметной суровостью. Приписывать ему нынешнее одобрительное выражение «здоровый гнев» было бы исторической неточностью.

Здесь современный читатель вправе возразить. Неужели человек должен стоять неподвижно, когда при нём обижают слабого? Разве возмущение не помогает нам понять, что нарушена нравственная граница? Разве без него мы не превратимся в удобных, дисциплинированных свидетелей чужой жестокости? Такие вопросы нельзя убрать со стола одной красивой цитатой. Они заставляют точнее разобраться, что именно Сенека называл гневом и почему считал его плохим советчиком даже в справедливом деле.

Во второй книге трактата Сенека рассматривает последовательность, из которой рождается гнев. Сначала происходит нечто неприятное, и человек ощущает внезапный внутренний толчок. Он вздрагивает, краснеет, чувствует, как сердце ускоряет ход. Первое движение, по Сенеке, возникает помимо сознательного решения; подобные реакции не исчезают по приказу рассудка. Но затем мы оцениваем увиденное, соглашаемся с мыслью, что нас оскорбили, и можем сделать ещё один шаг: решить, что обидчик заслуживает возмездия. Именно здесь, в стоической теории, впечатление получает наше согласие и превращается в страсть, способную захватить дальнейшие действия.

Нельзя, конечно, брать эту древнюю схему и объявлять её полным описанием современной науки об эмоциях. Переживания сложнее, а возможность изменить их в конкретный

момент зависит от множества обстоятельств. Важнее другое: Сенека отделяет внезапную человеческую реакцию от отношения, которое человек постепенно выстраивает вокруг неё. Почувствовать, что с вами обошлись дурно, ещё не значит обязать себя причинить кому-то боль в ответ.

Нередко именно обещание возмездия делает гнев особенно притягательным. Пока мы сердимся, кажется, будто силы возвращаются: находились в зависимости от чужого решения — и вдруг обрели твёрдость; долго терпели неопределённость — и наконец получили ясную роль. Теперь известно, кто прав, кто виноват, кому следует стыдиться и кто должен произнести последнюю фразу. Гнев удивительно быстро раздаёт эти роли. Правда, распределив их, он обычно не интересуется, хватит ли потом доказательств.

В жизни это принимает множество обличий. Сосед по лестничной клетке включает музыку посреди ночи, и обоснованная просьба сделать тише за две минуты превращается в спор о воспитании, происхождении и человеческой пригодности друг друга. Коллега присваивает результат общей работы, и разговор о конкретном поступке разрастается до перечня всех прежних обид. Родитель грубо обращается с ребёнком в очереди, а человек, попытавшийся вмешаться, вдруг оказывается занят уже не безопасностью ребёнка, а унижением взрослого. В каждом случае важная причина может отступить перед соблазном победить в словесной схватке.

Это не означает, что резкая речь всегда недопустима. Бывают ситуации, в которых спокойное замечание не остановит опасного поведения и необходимы решительное вмешательство, громкий призыв о помощи, обращение к другим людям или в соответствующие службы. Стоическая добродетель мужества не предполагает тихого послушания. Но решительность можно оценивать по тому, что она защищает и к чему приводит. Если задача — прекратить вред, стоит действовать ради прекращения вреда. Если же задачей незаметно становится заставить другого страдать за причинённое нам унижение, происходит перемена, на которую Сенека и обращал внимание.

Может показаться, что разговор сводится к вопросу внешних приличий. Старайтесь говорить вежливо, не повышайте голос, избегайте резких слов. Однако человек способен произнести самые жестокие вещи с образцовой дикцией, а другой — повысить голос потому, что предупреждает о непосредственной опасности. Сам по себе уровень громкости ничего не доказывает. Существеннее, какое решение мы принимаем относительно другого человека: хотим восстановить справедливость, защитить пострадавших, исправить ошибку — или наслаждаемся мыслью о расплате.

Современный опыт заставляет проверить античное учение на прочность. Мы знаем, что публичное возмущение иногда делает видимым то, что годами оставалось незамеченным. Протест, обличение, отказ мириться с унижением могут начаться с сильного чувства. Не было бы честно утверждать, будто общественные изменения происходят исключительно благодаря бесстрастным рассуждениям людей, никогда не выходящих из себя. Сенека возразил бы, что для справедливого действия нужен разум, а не жажда наказать. Но считать этим спор окончательно закрытым значило бы слишком легко уйти от реальных противоречий.

Необязательно немедленно выносить своему гневу нравственный приговор. Чувство может указать на нечто важное, а может и ошибаться в адресе. Его стоит выслушать, но не обязательно вручать ему полномочия судьи и исполнителя приговора. Что именно случилось? Кому причинён ущерб? Чего я добиваюсь своим следующим действием? Не превратилось ли требование справедливости в желание унизить? Эти вопросы не обещают мгновенного спокойствия. Иногда отвечать на них приходится, пока руки всё ещё дрожат.

Вернёмся к тому городскому заседанию. Девушка, сорвавшаяся на крик, могла быть права в главном: обращения жителей действительно игнорировали, а вода продолжала поступать в подвалы. Можно понять её усталость и ярость, не объявляя последнюю брошенную

фразу удачным поступком. Оценить действия председателя и действия девушки — две разные задачи. Не требуется оправдывать одного, чтобы признать ошибку другой. Тем более никто не обязан изображать случившееся пустяком ради красивого рассказа о самообладании.

После заседания жильцы могли выбрать представителей, собрать фотографии, потребовать письменного ответа и добиваться проверки работ. Это лишь возможное продолжение вымышленной сцены, а не гарантия успеха: бумаги иногда теряются, проверки затягиваются, решения бывают несправедливыми. Но у такого действия появляется достоинство, которого не даёт одна лишь победа в перепалке. Оно возвращает разговор к тем, ради кого он вообще начался, — к людям, живущим в затопленных домах.

Сенека, вероятно, счёл бы и такое рассуждение недостаточно строгим. Он требовал от мудреца не просто осторожности с выражением гнева, а отказа считать его необходимым двигателем справедливости. Не все современные читатели согласятся с ним. Это несогласие можно сохранить. Философия становится серьёзным собеседником именно тогда, когда мы вправе возражать ей, не превращая мыслителя ни в непогрешимого наставника, ни в музейную странность.

Когда спустя время вспоминаешь собственную ссору, редко жалеешь о том, что заметил несправедливость. Чаще вспоминаются слова, сказанные после того, как главное уже было произнесено; движения, которые ничего не исправили; возможность защитить кого-то, потерянная в стремлении доказать свою правоту. Гнев уверял, что нельзя отступать ни на шаг. Между тем иногда отступить от желания отомстить — единственный способ остаться на стороне того дела, ради которого мы поднялись со своего места.

Глава 8. Мужество не требует бесстрашия

В небольшом районном музее собирались закрыть историческую экспозицию. Не целиком, конечно: помещение предполагалось использовать для мероприятий, которые, по словам администрации, привлекут гораздо больше посетителей. Для нового оборудования уже нашли деньги, смету согласовали, а сотрудникам предложили подготовить коробки. В таком решении не было ничего необыкновенного. Учреждения меняют назначение залов постоянно, и само по себе это ещё не повод для героических речей.

Но реставратор Елена знала одну подробность, о которой в служебной записке говорилось вскользь. Часть старых документов хранилась в неподходящих условиях, и торопливый переезд мог окончательно их повредить. Она несколько раз пыталась объяснить это заведующему. Тот выслушивал, кивал, обещал «учесть пожелания специалистов», после чего присылал очередной график упаковки. Перед общим совещанием Елена положила на стол папку с заключениями и долго проверяла, на месте ли все листы. В её распоряжении были факты. Чего не было — так это уверенности, что ей позволят их спокойно изложить.

Её тревожило не только возможное недовольство начальства. В маленьком коллективе ссоры редко остаются внутри переговорной. Потом вместе обедают, пересекаются у гардероба, договариваются о подменах. Она представляла, как привычная доброжелательность сменится короткими вежливыми фразами, и в какой-то момент решила вообще промолчать. Не из равнодушия к документам, а потому что последствия выступления вдруг сделались ощутимее самой причины, ради которой оно требовалось.

Мы охотно узнаём мужество в обстоятельствах, где его трудно не заметить: человек входит в опасное место, спасает другого, противостоит угрозе. Такие поступки заслуживают восхищения. Однако большая часть нравственных решений не сопровождается ни сиренами, ни свидетелями, готовыми подтвердить смелость. Иногда мужество требуется для письма, которое неприятно отправлять, для признания собственной ошибки или для разговора, после которого привычные отношения уже не будут прежними. И человек вполне может бояться всего этого.

В повседневном представлении бесстрашие кажется исходным условием смелого поступка. Сначала надо справиться со страхом, убедить себя, что ничего ужасного не произойдёт, почувствовать твёрдую уверенность — и лишь тогда действовать. Такая последовательность соблазнительна, особенно когда впереди сложное решение. Но она превращает внутреннее чувство в разрешительный документ. Пока уверенность не явилась, любое промедление выглядит почти благоразумным. А уверенность, как известно каждому, кто хоть раз готовился к неприятному разговору, отличается нерегулярным графиком посещений.

Для древних стоиков мужество принадлежало к числу главных добродетелей. Его нельзя было свести к темпераменту, физической выносливости или готовности рисковать. Добродетель вообще мыслилась ими как способность разумно различать, что действительно хорошо и дурно, и поступать соответственно этому знанию. Отсюда непривычный вывод: человек может броситься навстречу опасности и всё-таки не совершить мужественного поступка, если действует из тщеславия, жестокости или легкомыслия. И наоборот, внешне неприметное решение иногда требует больше нравственной силы, чем шумная демонстрация отваги.

Эпиктет в «Беседах» сравнивал трудности с испытанием атлета, которому достался сильный соперник. В его рассуждении важен не призыв полюбить неприятности, а вопрос о том, как человек обращается с доставшимся ему испытанием. Современному читателю эта метафора может показаться излишне суровой: далеко не всякое страдание делает человека сильнее, и далеко не каждый вынужденный поединок выбирают добровольно. Но Эпиктет спорил прежде всего с убеждением, будто сама встреча с трудностью заранее определяет нравственное

поражение. Это разные вещи: признать тяжесть обстоятельств и решить, что они полностью лишили тебя способности выбирать поступок.

В другом месте «Бесед», в рассуждении о мужестве, Эпиктет обращается к угрозам властителя. Тело можно заключить в цепи, человека можно лишить положения; вопрос философа состоит в том, означает ли такая власть полное господство над его убеждениями. Сегодня подобный тезис нуждается в серьёзной оговорке. Реальное насилие способно причинять тяжёлый вред, ограничивать волю и разрушать привычную жизнь. Нравственная свобода у стоиков — философский идеал, а не обещание, будто любой человек в любых условиях сохранит невредимыми психику и возможности действия. Именно поэтому не следует предъявлять идеал мужества пострадавшим как требование держаться безупречно.

Зато в менее крайних обстоятельствах стоический вопрос обнаруживает неожиданную практическую силу. Чего именно я боюсь и какой поступок считаю правильным? Елена могла опасаться недовольства коллег и одновременно понимать, что скрыть сведения о состоянии документов означало бы пренебречь своей профессиональной обязанностью. Это не устраняло риск и не делало исход известным. Но позволяло видеть предмет выбора яснее: не между страхом и его отсутствием, а между двумя способами поступить в ситуации, когда страх уже есть.

У страха, между прочим, бывает вполне добросовестная работа. Он напоминает об опасности, помогает предусмотреть последствия, заставляет проверить документы и продумать разговор. Нет необходимости объявлять его врагом, чтобы относиться к нему серьёзно. Опасным он становится не благодаря своему существованию, а тогда, когда мы без дальнейшего размышления признаём его единственным судьёй того, что допустимо делать. Не всякий риск оправдан, но и не всякое избегание риска разумно. Иногда настороженность бережёт жизнь; иногда она бережёт только привычное удобство, причём ценой того, чем человек дорожит значительно больше.

Вспомним, как легко спутать мужество с настойчивостью. Человек решился возразить, получил отказ и теперь убеждён, что обязан идти до конца, иначе получится, будто он испугался. Но если открылись новые обстоятельства, продолжать прежнюю линию любой ценой может быть не стойкостью, а упрямством. Стоическая добродетель не живёт отдельно от рассудительности. Важен не счёт выигранных столкновений, а качество выбора. Иногда разумнее отступить, обратиться за поддержкой, дождаться подходящего момента или отказаться от действия, которое причинит непропорциональный вред. Мужество не обязано выглядеть эффектно.

В решении Елены обнаруживается живая связь мужества со справедливостью. Можно открыто сказать неприятную правду, чтобы защитить другого, а можно прикрыть словом «правда» желание унизить. Можно рискнуть собственным положением ради общего дела, а можно поставить под угрозу окружающих ради ощущения собственной исключительности. Поступки похожи снаружи и различаются внутренней целью. Не случайно стоики рассматривали добродетели как взаимосвязанные стороны разумной жизни: смелость, оторванная от справедливости и меры, легко меняет нравственный знак.

На совещании Елена всё-таки попросила слова. Она показала заключения, предложила изменить сроки перевозки и отдельно объяснила, какие документы особенно уязвимы. Говорила не так ровно, как репетировала дома: дважды сбилась, однажды забыла нужный термин и вынуждена была заглянуть в свои записи. Руководитель заметно раздражался. Решение в тот день не отменили, но обещали обсудить более безопасный порядок перемещения фондов. Мы не знаем, выполнили ли обещание: на этом месте история заканчивается, потому что для нашего вопроса важнее другое.

Если бы Елене удалось добиться полной отмены переезда, её поступок выглядел бы убедительнее. Если бы ей отказали, то же выступление многие назвали бы бесполезным. Однако оценивать нравственное качество действия исключительно по успеху — значит вновь подчи-

нить его чужому решению. Подготовка, честность, готовность принять возражения, забота о деле — всё это принадлежит самой попытке. Победа не может задним числом сделать благородным любой способ её достижения; поражение не превращает добросовестный поступок в трусость.

Требовать таких выступлений от каждого человека при любых обстоятельствах было бы жестоко. Бывает, что зависимость от работодателя, материальное положение или угроза преследования делают открытый протест слишком опасным. Легко рассуждать о принципиальности, когда за последствия заплатит кто-то другой. Разумная осторожность в таких условиях не нуждается в презрительных названиях. Если человек пока не может поступить так, как хотел бы, это не означает, что его достоинство исчерпано. Возможно, следующим шагом станет не публичная речь, а поиск союзников, консультация, сбор доказательств или забота о собственной безопасности.

В привычной культуре героических историй нас почти всегда интересует, преодолел ли персонаж страх. Стоики заставляют задать вопрос труднее: ради чего он решился действовать? Ответ не обязательно окажется утешительным, поскольку даже благородный выбор иногда приводит к потерям. У мужества нет обязанности обещать награду; иначе оно превратилось бы в особую форму расчёта. Мы можем надеяться, что достойный поступок принесёт хороший результат, но не должны делать этот результат единственной причиной оставаться верными своим убеждениям.

Поздно вечером Елена ещё раз открыла папку и обнаружила на последней странице небрежно поставленную карандашную пометку. Её оставил кто-то из коллег: «В следующий раз распечатать крупнее». Она улыбнулась, вспомнив, как с трудом различала собственные цифры под пристальными взглядами собравшихся. Страх никуда чудесным образом не исчез. Завтра предстояли новые разговоры. Зато исчезла одна иллюзия: будто для честного поступка необходимо сначала стать человеком, которому совсем не страшно.

Глава 9. Чужое мнение не является приговором

В городе, где Антон прожил почти сорок лет, про человека можно было узнать многое, даже ни разу с ним не встретившись. Достаточно было поговорить с соседями, бывшими коллегами или кем-нибудь, кто уверял, что прекрасно помнит историю десятилетней давности. Репутация здесь складывалась не столько из поступков, сколько из рассказов о них. Один удачный рассказ мог пережить самого рассказчика, а неудачная оговорка — сопровождать человека дольше, чем диплом, семейная жизнь и двадцать лет добросовестной работы.

Антон руководил небольшой городской библиотекой. Однажды он отказался подписать акт о приёмке мебели: часть стеллажей оказалась повреждена, а в смете значились материалы, которых никто не видел. Решение было будничным, почти скучным; в нём не было ни героизма, ни особой принципиальности — подписывать недостоверный документ просто не следовало. Однако спустя неделю по городу пошёл разговор, будто директор библиотеки сорвал обновление читального зала из личной неприязни к поставщику. Потом появилась версия о его чрезмерном честолюбии. К пятнице нашлись люди, которые уже с уверенностью объясняли, что Антон давно мечтает занять место начальника управления культуры.

Всё это можно было бы оставить без внимания, если бы слухи не достигли сотрудников. Молодая библиотекарь спросила с деланной небрежностью, правда ли, что ремонт заморожен из-за разногласий с администрацией. Завхоз, обычно разговорчивый, внезапно стал отвечать односложно. Антон обнаружил, что во время совещаний теперь не столько слушает собеседников, сколько пытается понять, что им известно и что они о нём думают.

Его особенно мучила несправедливость происходящего. Он привык считать себя человеком достаточно понятным: обещанное выполняет, спорные решения объясняет, чужие заслуги не присваивает. И тут выяснилось, что годы работы не защищают от чужого уверенного «я-то знаю». Хотелось немедленно собрать всех в одном зале, предъявить счета, показать фотографии стеллажей и потребовать, чтобы каждый присутствующий признал ошибку. В воображении собрание проходило блестяще. В реальности, как это часто бывает с воображаемыми победами, даже не находилось помещения, способного вместить всех желающих объяснить чужие мотивы.

Стоики называли репутацию вещью внешней. Для современного человека такая мысль звучит подозрительно: разве можно всерьёз говорить, будто доброе имя не имеет значения? Оно помогает находить работу, сохранять доверие, участвовать в общих делах. Иногда от него зависят возможности всей семьи. Человек, которого оклеветали, несёт вполне реальные потери, а призыв не обращать внимания на общественное мнение способен показаться особенно жестоким, когда это мнение определяет чужие решения.

Но стоическая позиция тоньше привычного совета обернуться к недоброжелателям спиной. В античной этике репутацию относили к числу так называемых безразличных вещей. Слово здесь обманчивое: речь вовсе не о том, что её можно беззаботно растратить. Безразличными стоики называли обстоятельства, которые сами по себе не делают человека нравственно хорошим или дурным. Среди этих обстоятельств находились здоровье, имущество, общественное положение. Многие из них считались предпочтительными: разумный человек мог стремиться к ним и беречь их, если это не требовало предать более важные принципы.

С хорошим именем происходит нечто подобное. Оно может помогать доброму делу, но не превращает несправедливый поступок в справедливый. И дурная молва не делает дурным человека, который отказался участвовать в обмане. Между тем люди нередко судят именно наоборот: раз вас уважают, значит, вы правы; раз о вас говорят неприятное, значит, за вами непременно что-то водится. О таком коротком пути от общественной оценки к оценке харак-

тера стоит задуматься хотя бы потому, что им охотно пользуются не только сплетники, но и вполне почтенные учреждения.

Эпиктет в сорок четвёртом параграфе «Энхиридиона» разбирает сходную подмену. Тот, кто богаче другого или красноречивее его, не становится от этого нравственно лучше. Превосходство в имуществе остаётся превосходством в имуществе, мастерство речи — мастерством речи. Ни то ни другое не позволяет определить ценность самого человека. Суждение кажется простым, пока не применяешь его к вещам, которыми гордишься. Умение нравиться окружающим столь же соблазнительно принять за доказательство собственной правоты, как и высокий пост — за доказательство мудрости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.